

Ева
ВАЛЕТТИ

БОСС

Влюбить

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

18+

— СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН —

Ева Валетти

Босс. Влюбить любой ценой

<https://litres.ru/74042119>

SelfPub; 2026

Аннотация

После развода муж оставил меня с долгами, и я согласилась на сделку, от которой раньше отказалась бы не раздумывая. Мне нужно влюбить в себя мужчину — иначе мой ребёнок останется без дома.

Он — всего лишь роль в моём плане.

Холодный, успешный, недоступный — идеальная цель.

Я держу дистанцию и верю: эта история закончится в тот момент, когда получу то, что нужно. Без чувств. Без последствий.

Но я не учла одного — иногда игра выходит из-под контроля.

И кто мог знать, что в какой-то момент я по-настоящему его полюблю.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	44
Глава 8	51
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ева Валетти

Босс. Влюбить любой ценой

Глава 1

Я никогда не любила такие мероприятия. Даже когда бывала на них гостьей — ещё с мужем. А теперь и подавно. Не потому, что шумно илилюдно. А потому что здесь всё слишком красивое, дорогое и фальшивое. Мужчины в идеальных костюмах держали бокалы так, будто родились с ними в руках. Женщины смеялись негромко, запрокидывая головы ровно настолько, чтобы блеснули серьги, но не дай бог — морщины. Даже воздух казался отфильтрованным: ни запаха кухни, ни метро, ни чужих духов вперемешку.

И вот я стояла у служебного входа с бейджем «Координатор площадки» и пыталась вспомнить, как меня сюда вообще занесло.

— Смирнова! — рывкнули из-за спины. — Где схема рассадки для второго зала?

— У меня. — Я подняла планшет.

— Тогда почему официанты ставят таблички не на те столы?!

— Потому что им вчера прислали старую версию. — Я уже открывала файл на ходу. — Сейчас исправлю.

Мой первый день на этой площадке. Временная подработка через агентство. Четырнадцать часов на ногах, ответственность как у министра, а зарплата — здесь столько на чай не оставляют.

Я лавировала между официантами, кабелями и людьми, которые смотрели сквозь меня. В гарнитуре шипел голос старшего менеджера:

— Даша, в зоне А задержка с шампанским. Разберись.

— Уже иду.

Свернула в проход между столами, не отрывая глаз от экрана. Схема рассадки мигала красным. Стол восемь — поменять карточки. Стол девять — убрать лишний прибор. В голове всё разложено по полочкам.

Пока я не врезалась во что-то твёрдое.

Точнее — в кого-то.

Удар получился не сильным, но достаточным, чтобы бокал в его руке качнулся и тёмное вино плеснуло прямо на светлый пиджак.

Я автоматически схватила воздух, будто могла поймать разлитое пятно обратно.

— Чёрт... — выдохнула я.

Мужчина медленно опустил взгляд на ткань. Потом поднял глаза на меня.

Спокойное лицо. Ни суеты, ни раздражённых жестов. Только внимательный, холодный взгляд человека, который привык, что мир под него подстраивается.

— Вы вообще смотрите, куда идёте? — спросил он ровно. Голос был негромкий, но вокруг почему-то сразу стало тише.

— Я... — начала я, уже вытаскивая из кармана салфетки. — Сейчас всё уберу.

Я промокнула ткань, стараясь не размазать пятно. Руки работали быстрее головы.

— Влажные салфетки в зону А, срочно, — бросила я в гарнитуру. — И бутылку газированной воды.

— Вы понимаете, сколько стоит этот костюм? — всё тем же ровным тоном продолжил он.

Я подняла глаза.

— Понимаю, что проход — не лучшее место, чтобы в нём стоять. Особенно когда вокруг бегают персонал.

Пауза.

Официант рядом замер с подносом. Дама в бриллиантах перестала улыбаться.

Мужчина чуть прищурился.

— То есть виноват я?

— Я сказала: проход узкий. — Пожала плечами. — И люди здесь работают. Живые люди, между прочим. Не роботы.

Я снова склонилась над пятном. Внутри всё кипело — не от страха, от злости. День ещё не закончился, а я уже устала извиняться за то, что просто делаю свою работу.

Подлетела девочка из сервиса, сунула салфетки.

— Спасибо. — Я вернулась к спасению пиджака.

Он не отстранялся. Просто смотрел.

— Имя?

Я мотнула головой в сторону бейджа.

— Там написано.

Он даже не взглянул.

— Я спрашиваю у вас.

— Читать разучились?

— И часто вы так разговариваете с гостями?

Я выпрямилась.

— А часто гости так разговаривают с персоналом?

Язык мой — враг мой. Ленка не устаёт это повторять.

Только если меня уже понесло — всё, поздно. Не могу спокойно размышлять. Особенно после развода, который вытрепал мне все нервы.

Глаза гостя — тёмные, внимательные, неприятно цепкие — изучали моё лицо.

— Извинений не будет?

— Я убираю пятно. Это полезнее, чем слова.

К нам подлетел старший менеджер, белый как мел.

— Марк Александрович, простите, это недоразумение, мы сейчас всё решим...

Я замерла.

Марк Александрович. Ну конечно. Не гость. Владелец ивент-агентства, с которым мы заключили контракт.

Он даже не повернулся к менеджеру.

— Чтобы завтра её здесь не было.

Менеджер закивал так, что я испугалась за его шейные позвонки.

— Конечно, конечно, разберёмся...

Марк Александрович перевёл взгляд на меня. Ни злости. Ни удовлетворения. Просто отметка: проблема устранена.

Развернулся и пошёл прочь, уже на ходу доставая телефон. Пятно его больше не интересовало.

Я осталась в проходе с влажной салфеткой в руке.

— Ты вообще понимаешь, что наделала?! — зашипел менеджер, едва Воронцов отошёл. — Это же босс! Он тут всё решает!

— Я уже поняла.

— Он слово скажет — тебя из базы вычеркнут. В городе никуда не возьмут!

Я смотрела ему вслед. Высокая спина, идеальная посадка пиджака. Вокруг него уже снова вились люди — улыбались, кивали.

Будто ничего не произошло.

— Отлично, — пробормотала я. — Именно это мне сейчас и нужно.

— Иди работай. И молчи. Поняла?

Я кивнула и двинулась дальше — уже медленнее.

Внутри всё кипело, но руки работали на автомате. Стол восемь. Карточки. Приборы. Тайминг подачи. Пока есть чем занять руки, в голове тише.

Я знала этот типаж мужчин. Уж мне ли не знать. Хозяин

жизни. Ему нет дела до того, что происходит с другими.

В другом конце зала Воронцов остановился у барной стойки. Бармен что-то объяснял, показывал на список коктейлей.

Я должна была отвернуться. Заняться делом. Вместо этого стояла и смотрела.

И вдруг он обернулся — будто почувствовал.

Наши глаза встретились.

Секунда. Две.

Два полюса перед разрядом — шаг, и ударит.

Он шагнул.

Глава 2

Воронцов шагнул в мою сторону.

И я вдруг отчётливо поняла: если он подойдёт, я скажу что-нибудь ещё более глупое, чем уже сказала.

Поэтому развернулась первой.

Свернула к столам, к карточкам, к приборам — туда, где всё понятно, по списку и без лишних разговоров. Где от меня требовалось только одно: делать свою работу быстро и молча.

Вечер понёсся, как поезд без остановок.

То пропадал переводчик для иностранного гостя — и меня отправляли его искать. То на кухне путали номера столов — и я бегала между залом и служебным лифтом. То кто-то из приглашённых требовал пересадить его подальше от бывшей жены — срочно, немедленно, «вы вообще понимаете, кто я».

Я носилась по залу, по коридорам, по лестницам.

И каждый раз, выныривая обратно в свет и музыку, сначала искала глазами его.

Казалось, Воронцов был везде.

У сцены — разговаривал с ведущим. У бара — слушал кого-то, слегка склонив голову. У центрального стола — кивал, улыбался ровно настолько, насколько требовал статус.

Он работал этот вечер так же, как и я. Только в другом

костюме и за другие деньги.

Один раз я заметила, как он повернул голову в мою сторону, — и нырнула за колонну раньше, чем наши взгляды встретились.

В другой — почувствовала движение за спиной, обернулась и увидела, что он идёт через зал. Ко мне? Мимо? Выяснить не стала — меня как раз дёрнули за локоть, и я с облегчением дала себя утащить.

Так проще.

Под конец вечера ноги гудели, спина ныла, а улыбка стёрлась с лица.

Когда основная программа закончилась и гости потянулись к выходу, я воспользовалась суматохой. Сдала гарнитуру, отметилась у менеджера — и выскользнула через служебную дверь.

Холодный воздух ударил в лицо.

Я впервые за весь вечер вдохнула нормально.

Он так и не догнал.

И меня это полностью устраивало.

Здание бизнес-центра напоминало гигантский террариум. Люди здесь двигались быстро, говорили тихо и стоили дорого. В своём пальто из масс-маркета я чувствовала себя песчинкой в чужом механизме.

В папке, которую я прижимала к груди, лежал приговор. Кредиты мужа, проценты, штрафы — цифры, глядя на кото-

рые хотелось зажмуриться.

Я нажала кнопку вызова. Восемнадцатый этаж, юридическая фирма «Вектор». Название звучало так же бездушно, как голос секретаря, назначившего встречу.

Двери бесшумно разъехались. Кабина была пуста. Я шагнула внутрь и прислонилась лбом к зеркальной стене. Холодное стекло остудило кожу.

Двери уже смыкались, когда в проём просунулась мужская рука. Тёмно-синий пиджак. Часы на запястье. Запонки, которые, наверное, стоили больше моего долга.

Марк Александрович Воронцов.

Я вжалась в угол, опустив голову. Вчерашний вечер казался дурным сном, но пятно на его пиджаке было вполне реальным.

Только не он. Только не сейчас.

Он скользнул по мне взглядом. Отвернулся. Достал телефон.

Лифт плавно тронулся вверх.

Я не шевелилась. В этом пальто, без макияжа, с волосами, стянутыми в хвост, я мало походила на вчерашнюю себя — ту, в чёрном платье и на каблуках.

Пятый этаж. Шестой. Седьмой.

Он не поднимал головы от телефона.

Десятый. Одиннадцатый.

Выдохнула. Пронесло.

Восемнадцатый.

Хотела выйти первой — просто сбежать. Рванулась вперёд, не глядя под ноги.

Каблук ботильона застрял в щели между лифтом и этажом. Нога подвернулась. Я взмахнула руками, понимая: сейчас растянусь прямо в холле юридической конторы.

Но вместо холодного гранита — чужие руки.

Он перехватил меня за талию, потянул на себя, и спина упёрлась в твёрдую грудь.

Мы замерли.

Ладонь осталась на животе — широкая, горячая даже сквозь ткань пальто. Вторая всё ещё сжимала предплечье.

Тепло его тела за спиной. Твёрдость мышц. Дыхание у виска. Едва уловимый запах.

Он наклонился ближе. Губы скользнули от виска к шее — непозволительно близко.

Секунда. Две.

Он не двигался. Не отпускал. Будто решал что-то. А я замерла.

— Кхм...

Деликатное покашливание со стороны холла.

Воронцов отпустил. Шагнул мимо меня — к коридору.

В холле стоял мужчина средних лет. Безупречный серый костюм, очки в тонкой оправе, цепкий взгляд водянистых глаз.

— Марк Александрович. — Кивок. — Рад видеть. Документы по слиянию у секретаря.

— Заберу позже.

Не обернувшись, Воронцов ушёл вглубь коридора.

Мужчина перевёл взгляд на меня. Уголки губ приподнялись в вежливой, но совершенно неживой улыбке.

— Дарья Алексеевна? Проходите. Я вас ждал.

Кабинет юриста — просторный, светлый и абсолютно неуютный. Здесь не хотелось задерживаться.

Павел Андреевич не предложил ни чая, ни воды. Сразу перешёл к делу. На столе выросли две стопки бумаг.

— Итак, Дарья Алексеевна, — он переплёл пальцы. — Ситуация непростая.

— Я знаю сумму долга. Мне нужен график. Если банк пойдёт на уступки...

— Банк не пойдёт, — перебил он мягко. — Ваш бывший супруг оставил слишком много сюрпризов. Квартира под арестом. Торги запустят в течение месяца.

Я вцепилась в подлокотники. Ногти вонзились в кожу.

— Я найду работу. Буду платить частями.

Павел Андреевич вздохнул — будто объяснял ребёнку, почему нельзя есть песок.

— Работу? Никакая работа вам сейчас не поможет. Долг слишком велик.

— Но что-то же можно придумать...

— Можно перестать себя обманывать.

Стало трудно дышать. Долги. Ипотека, которую я не потя-

ну. Три кредита — откуда он их вообще взял? Что с работой — непонятно. Выхода нет.

— И что вы предлагаете? — голос сел. — Продать почку? Павел Андреевич улыбнулся — одними губами.

— Зачем такие крайности? Есть ресурсы куда более ценные. — Он помолчал, как будто раздумывая. — Вы должны сделать так, чтобы один влиятельный человек захотел на вас жениться.

Глава 3

Я моргнула. Раз, другой. Смысл его слов доходил медленно. Нелепый, невозможный смысл.

— Что?

— Вы не ослышались. — Павел Андреевич откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы. — Мне нужна девушка, которая сможет заинтересовать, а в идеале — женить на себе одного моего клиента.

Несколько секунд я просто смотрела на него. Потом оглянулась, ища скрытую камеру.

— Это какое-то реалити-шоу? Где операторы?

— Никаких шоу. Только дело. И всё строго конфиденциально.

— Я ошиблась дверью.

Встала так резко, что стул с противным скрежетом отъехал назад. Ноги подрагивали, но я заставила себя идти к выходу. Безумие. Бред сумасшедшего.

— Сядьте, Дарья.

Голос — спокойный, даже скучающий — догнал меня у самой двери.

— Вы не выйдете отсюда, пока не выслушаете условия. Потому что идти вам некуда.

Рука застыла в сантиметре от дверной ручки. Я смотрела на своё искажённое отражение в лакированной поверхности

— бледное пятно вместо лица.

— Я найду работу, — сказала я, не оборачиваясь. — Я хороший специалист.

— Не будьте наивны.

Я медленно повернулась. Павел Андреевич даже не смотрел на меня — перекладывал бумаги на столе, выравнивая их по краю с хирургической точностью.

— Присядьте. — Он указал взглядом на кресло. — Цифры вас заинтересуют.

Я вернулась. Не потому что хотела — потому что он был прав. За дверью меня ждали долги, пустой холодильник и сын в детском саду, которому я обещала новые кроссовки. А обратиться за помощью было не к кому.

Я села. Спина прямая, руки — на подлокотниках. Если он думает, что я буду унижаться, он ошибается.

— Кто он?

— Этого я пока не скажу.

— Серьёзно? — Я невольно хмыкнула. — Кот в мешке?

— Это условие сделки. Вы узнаете имя и увидите его только при первой встрече.

— Почему? Он уродлив? Стар? Маньяк?

— Он молод, хорош собой и сказочно богат. — Павел Андреевич чуть усмехнулся, словно я сморозила глупость. — Но у него скверный характер. Трудоголик, социопат, циник. Женщины для него — скорее, помеха.

— Очаровательно, — я скрестила руки на груди. — И за-

чем вам женить на ком-то такое сокровище?

— Вам знать необязательно.

Повисла пауза. Я смотрела ему в глаза, пытаюсь найти подвох. Он смотрел в ответ — спокойно, выжидаяще.

— Я не актриса. И не эскортница.

— А я и не предлагаю вам ложиться с ним в постель. Только заинтересовать. Влюбить. Довести до ЗАГСа.

— Мы что, живём в восемнадцатом веке? Кто сейчас идёт в ЗАГС, минуя постель?

Он побарабанил пальцами по столу.

— Методы — на ваше усмотрение. Меня не интересуют подробности.

Конечно, не интересуют. Не ему же ложиться в постель с посторонним. Но главное — как мне его заинтересовать? Подойти и сказать: «Женись на мне»? Подкараулить на улице?

— И как я это сделаю?

Уголок его губ дрогнул.

— Правильный вопрос. Этот человек мне кое-что должен. Я лично устрою вас к нему помощницей. Сегодня же.

Павел Андреевич выдвинул ящик стола, достал лист бумаги и положил передо мной. Мелкий шрифт, официальные формулировки. Поверх — чёрная банковская карта.

— Аванс, — пояснил он. — Я закрываю все ваши долги в момент подписания. Это, — он ткнул пальцем в цифру внизу страницы, — вы получите, когда цель будет достигнута.

Я посмотрела на сумму.

Воздух застрял в горле.

Этих денег хватило бы не просто выкупить квартиру полностью — хватило бы на новую жизнь. Переезд. Нормальная школа для Тёмки. Никаких ночных смен. И много чего ещё.

— Сколько у меня времени?

— Полгода. Если через шесть месяцев свадьбы не будет — сделка расторгается. Всё, что я на вас потрачу, вы должны будете вернуть.

Я смотрела на лист. Буквы расплывались. В ушах шумело.

Ощущение, что пол «плывёт»

— Это аморально, — тихо сказала я. Не ему — скорее себе.

— Аморально — оставить ребёнка на улице из-за собственной гордости.

Прямо в цель.

Я закрыла глаза. Шесть месяцев. Всего лишь роль. Идеальная помощница. Внимательная, незаменимая, интересная. Как-нибудь разберусь. Мне даже необязательно за него выходить — долгов-то уже не будет. Тёмка не окажется на улице. А как рассчитаться в Павлом Андреевичем за это время я придумаю. Наверное.

Это работа. Сложный, мерзкий, но проект. Придётся постараться.

Но хуже, чем сейчас, уже не будет.

Я открыла глаза.

— Где подписать?

Павел Андреевич довольно кивнул, словно другого и не ожидал. Ткнул пальцем в нижнюю строчку. — Здесь. И здесь.

Росчерк пера был похож на кардиограмму. Резкий, нервный. Я отложила ручку, чувствуя странную пустоту. Продала полгода своей жизни. Но купила будущее сыну.

Юрист забрал бумаги, спрятал их в папку и достал другую — тонкую, синюю.

— Поздравляю с началом новой жизни, Дарья Алексеевна. Он протянул мне папку. — Здесь адрес и время. Завтра в девять ноль-ноль вы должны быть там.

— Кто он? — снова спросила я, сжимая синий картон. Пальцы побелели.

— Узнаете на месте. Для него вы — просто соискательница. Но после моего звонка вас гарантированно возьмут.

Я встала. Ноги были ватными, но я заставила себя расправить плечи.

— Ясно.

Направилась к двери. И тут он сказал:

— Не хочу, чтобы вы ошибочно подумали, что можете ничего не делать, потому что долги выплачены. — моя рука зависла над дверной ручкой. — Моим должником быть довольно неприятно.

Я вышла из кабинета, не прощаясь. Прошла через приёмную мимо секретарши, которая даже не подняла головы от

монитора. На этот раз в лифте я была одна.

Двери сомкнулись, отрезая меня от восемнадцатого этажа, и я привалилась к стене. Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы вцепились в папку так, что побелели костяшки.

Что я наделала?

Лифт мягко тронулся вниз. Я заставила себя разжать хватку и открыла папку. Внутри лежал один-единственный лист. Адрес бизнес-центра. Название компании.

Перечитала дважды. Потом ещё раз.

То самое ивент-агентство — то, что вчера устроило мероприятие. Наш партнёр. И теперь я прекрасно знала, кто им владеет.

Человек, на чей костюм я опрокинула бокал. С которым поругалась. На чьих мероприятиях я больше не могла работать.

По спине пробежал холодок.

Лифт остановился. Двери разъехались.

Я вышла в холл на негнущихся ногах.

Только бы не он...

Глава 4

В приемной было холодно. Стены цвета мокрого асфальта, стеклянные перегородки, минимум мебели — всё здесь кричало о том, что лишним людям тут не рады.

Но я пришла сюда не для того, чтобы быть лишней.

Секретарь — девушка с идеально прямой спиной и взглядом снайпера — даже не предложила мне присесть. Она печатала что-то с такой скоростью, будто от этого зависела судьба человечества, и лишь изредка бросала на меня косые взгляды.

— Марк Александрович занят, — отрезала она десять минут назад. — Ждите.

Я ждала. Стояла у окна, рассматривая серую панораму города, и пыталась унять дрожь в руках.

Сегодня я выглядела иначе. Тёмно-синее платье-футляр — строгое ровно настолько, чтобы не вызвать подозрений, и скроенное так, что силуэт говорил сам за себя. Мягкий пушок с парой нарочито выбившихся прядей. Очки в тонкой оправе — хотя зрение у меня было почти идеальным. Мужчины вроде него любят снимать очки с женщин. Им кажется, что так они видят тебя настоящую.

Каждая деталь подобрана с хирургической точностью. Приманка. Для человека, привыкшего к блеску бриллиантов, я должна была стать чем-то другим. Не серой молюю,

которая сливается с интерьером, — загадкой, на которую захочется отвлечься.

На столе секретаря замигал красный огонек.

— Проходите, — бросила она, не глядя на меня. — И совет: говорите коротко. У него сегодня... сложное утро.

Я кивнула, набрала в грудь побольше воздуха и толкнула тяжелую дубовую дверь.

Кабинет был больше моей квартиры. Огромное пространство, залитое светом из панорамных окон. В центре — стол из тёмного дерева, на котором не было ни пылинки.

Хозяин кабинета стоял ко мне спиной, глядя на город. Я узнала его даже не видя лица — по развороту плеч, по тому, как он держал голову. Всё-таки это он. Как бы ни старалась я верить, что обойдётся...

А ведь достаточно было уточнить у секретаря, кто именно находится за этой дверью. Но, кажется, я слишком боялась услышать ответ.

— Павел Андреевич настаивает, что мне необходимы именно вы, — произнёс он. Голос был ровным, но в интонациях скользил лёд.

Он медленно повернулся.

Я сжала папку с документами так, что пальцы побелели.

А он — замер. На долю секунды, не дольше. Но я заметила. Заметила, как дрогнул его взгляд, как расширились зрачки, как едва уловимо сбилось дыхание. Он смотрел на меня так, будто увидел призрака.

А потом — ничего. Лицо стало непроницаемым.

— Присаживайтесь, — он кивнул на кресло напротив стола и буквально на несколько секунд отвернулся к окну.

Не узнал? Нет. Наверное, узнал. Я это видела. А может быть придумала.

Я села на краешек кресла. Спина прямая, руки на коленях — пальцы переплетены так крепко, что ногти впивались в кожу. Только бы пронесло. Только бы он не вспомнил. В конце концов, на банкете было темно, я была накрашена, в платье, а сейчас...

— Дарья Алексеевна Смирнова, — прочитал он, открывая моё личное дело. Произнёс моё имя так, словно пробовал его на вкус и заранее знал, что оно окажется горьким. — Рекомендация от юридической фирмы «Вектор». Впечатляет.

— Стараюсь соответствовать.

— Посмотрим.

Воронцов поднял голову.

Наши взгляды встретились. Его глаза — цвета крепкого кофе без молока — сузились. Секундная вспышка.

Он откинулся на спинку кресла, продолжая сверлить меня взглядом. Молчание длилось ровно столько, чтобы стало невыносимо.

— В резюме указано, что вы стрессоустойчивы, — наконец произнёс он. Тон был безупречно вежливым, но где-то на дне этой вежливости поблёскивала насмешка. — И обла-

даете, цитирую, отличной координацией.

Он выделил последние слова так, словно подчеркнул их красным маркером.

— Да, — выдавила я, глядя ему прямо в переносицу. Не в глаза. В глаза я бы не выдержала. — Я умею держать себя в руках в нестандартных ситуациях.

— Неужели? — он слегка наклонил голову. Так хищник разглядывает добычу, прежде чем решить, стоит ли она усилий. — Интересно. И давно вы... научились?

— Достаточно давно.

У меня пересохло в горле. Он не собирался облегчать мне задачу. Он хотел, чтобы я сама призналась. Запаниковала. Сбежала. Избавила его от необходимости произносить вслух то, о чём мы оба думали.

Не дождётся. У меня за спиной долг в несколько миллионов и сын, которому нужна мать с зарплатой, а не с гордостью.

— Я учусь на своих ошибках, — сказала я ровно. — Быстро учусь.

— Ошибки бывают разными, Дарья Алексеевна. — Он чуть понизил голос. — Некоторые стоят дорого. А некоторые... оставляют пятна.

Пауза.

Он барабанил пальцами по столешнице. Ритмичный, раздражающий звук. Как обратный отсчёт.

— Я готова возместить любой ущерб, если он возникнет

по моей вине. — Я заставила себя не моргать. — Павел Андреевич уверен, что я справлюсь с обязанностями вашего личного помощника.

При упоминании юриста лицо Воронцова окаменело. Пальцы замерли на столешнице. Видимо, Павел Андреевич имел на него серьёзные рычаги давления, раз этот человек — привыкший решать, кому дышать в его присутствии, — вынужден был терпеть.

— Павел Андреевич, — медленно произнёс он, — иногда переоценивает людей. Но раз уж мы связаны контрактом...

Он взял со стола графин с водой. Налил полный стакан. Вода дошла до самых краёв — прозрачная, неподвижная, грозящая перелиться от малейшего вздоха.

— Ваша задача — организовывать моё время, встречи и пространство, — он подвинул стакан ко мне. Медленно. По полированной поверхности стола. Стакан остановился в сантиметре от края, прямо напротив моей руки. Вызов. Проверка. Приглашение к провалу. — И делать это безупречно. Я не терплю суеты. Не терплю оправданий. И ненавижу, — он сделал паузу, — когда нарушают мои границы.

Я смотрела на воду. Поверхность едва подрагивала, ловя свет из панорамных окон. Он ждал, что я потянусь к стакану. Что дрогнет рука. Что хоть капля прольётся на его безупречный стол — и он получит своё маленькое доказательство.

Я не шевельнулась.

— Я вас поняла.

— Вы уверены? — он подался вперёд. Расстояние между нами сократилось. — Работа будет сложной. Я требователен. Иногда невыносим. Многие сбегают через неделю.

— Я не сбегу.

— Даже если захочется?

— Даже если очень захочется.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд — долгих, тягучих, — словно сканировал, пытаясь найти трещину в моей броне. Я держала взгляд. Внутри всё тряслось, но снаружи я была камнем. Хочешь войну — будет война. Но первой я не отступлю.

Потом он резко захлопнул папку.

— Испытательный срок — один день. Справитесь сегодня — останетесь. Сделаете хоть один неверный шаг — и никакие рекомендации «Вектора» вас не спасут. Я найду способ расторгнуть договор. — Он чуть склонил голову, и в его взгляде мелькнуло что-то почти весёлое. — Это ясно?

— Предельно.

— Ваше рабочее место в приёмной. Марина введёт в курс дела.

Он вернулся к компьютеру, давая понять, что аудиенция окончена. Я медленно поднялась. Ноги были ватными, но я держала спину. Осторожно — стараясь не задеть стол, не качнуть этот проклятый стакан — отодвинула кресло.

— Спасибо, Марк Александрович.

Я дошла до двери и взялась за ручку, когда его голос до-

гнал меня.

— И, Дарья Алексеевна...

Я обернулась. Сердце ухнуло куда-то вниз. Вдох. Выдох.

Его взгляд был прикован к монитору, но уголок губ — едва заметно, почти неуловимо — дёрнулся вверх.

— В этом офисе принято носить кофе внутри ёмкостей. Впрочем, как и любую другую жидкость.

Глава 5

Едва я освоилась за столом и разложила блокноты, Марина сунула мне в руки тяжёлую папку.

— В гольф-клубе «Изумруд» ЧП с подрядчиками, — отчеканила она, не отрывая глаз от монитора. — Марк Александрович уже выезжает. Ты тоже должна быть. Многие поедут.

— Но я...

— Никаких «но». Он просил передать. — Марина на секунду оторвалась от телефона и скользнула взглядом по моим ногам. — Кроссовки с собой есть?

— Нет.

— Сочувствую.

Ладно. Красота требует жертв — и я, гордо стуча каблуками, направилась к лифту.

Через час, выйдя из микроавтобуса вместе с остальными, я поняла, что жертва оказалась слишком велика.

Загородный гольф-клуб «Изумруд» встретил нас безупречным газоном, запахом свежескошенной травы — и абсолютным хаосом, который пока удавалось скрывать за белыми шатрами.

На часах — полдень, а ноги уже умоляли о пощаде. Новые туфли оказались орудием пыток.

Я в десятый раз сверилась с таймингом.

— Смирнова!

Я слышала голос босса сквозь шум настройки аппаратуры.

Он стоял у входа в VIP-зону. Тёмно-синий костюм, белая рубашка без галстука, тёмные очки. Хозяин этого места — да и всей жизни в принципе.

Я подошла, стараясь не хромать.

— Я здесь, Марк Александрович.

— Почему флористы до сих пор возятся с аркой? — он окинул взглядом площадку. — До приезда гостей два часа. Если я увижу хоть один увядший лепесток или стремянку, когда войдёт первый клиент...

— Я узнаю, — перебила я, хотя сама была готова придумать главного декоратора. — Заминка с доставкой гортезий, но всё решается. Через десять минут будет чисто.

Он повернулся ко мне. Снял очки.

— Решается? Надеюсь, это значит, что вы лично проверили каждое крепление, Дарья.

— Марк, дай девушке выдохнуть! Ты же её запугал до полусмерти.

К нам направлялся высокий мужчина в светлых брюках и расстёгнутой льняной рубашке. Двигался легко, пружинисто, словно гольф-клуб был его задним двором.

Марк поморщился — без злости, с усталой досадой.

— Артур, ты должен быть в аппаратной.

— Там скучно, а здесь... — Артур остановился напротив

меня и бесцеремонно оглядел с ног до головы. — А здесь у нас новое лицо. И какое!

Он протянул руку.

— Артур. Креативный директор, совесть этого агентства и единственный, кто способен терпеть характер Воронцова.

— Дарья. — Я пожалала его ладонь. — Личный помощник.

— Помощник? — Артур рассмеялся, не выпуская моей руки. — Марк, это преступление. Таких девушек нужно ставить на обложки буклетов, а не заставлять бегать с планшетами. Дарья, если этот тиран доведёт вас до слёз — приходите ко мне. У меня есть вино и нет дедлайнов.

Марк шагнул вперёд, вклиниваясь между нами.

— Артур. — Голос упал на пару тонов. — Саундчек через пять минут. Иди работай.

— Ладно, ладно. — Артур подмигнул мне и шутливо поднял руки. — Но предложение в силе, Дарья.

Когда он отошёл, Марк повернулся ко мне. В глазах — раздражение.

— У Артура своеобразное чувство юмора и слишком много свободного времени. Не советую воспринимать его всерьёз.

— Я здесь, чтобы работать, Марк Александрович, а не заводить друзей.

— Вот и отлично. Проверьте кейтеринг.

Следующий час превратился в марафон. Я лавировала между официантами, проверяла рассадку, отвечала на звон-

ки и молилась, чтобы этот день поскорее закончился.

Катастрофа случилась за пятнадцать минут до начала.

Я проходила мимо фотозоны, когда один из официантов, разворачиваясь с подносом, зацепил высокую стеклянную стелу с логотипом. Конструкция качнулась и начала заваливаться — прямо в сторону прохода, где уже собирались первые гости.

Я рванулась вперёд. Успела подставить руку, толкнуть стекло обратно — но подошва скользнула по плитке.

Упала жёстко, некрасиво. Стела устояла. А вот поднос официант выронил — и бокалы полетели на пол.

Звон стекла. Резкая боль в ладони.

Я села, глядя на правую руку. От запястья к пальцам тянулся длинный порез, кровь уже капала на светлую плитку.

— Чёрт...

Вокруг засуетились, кто-то ахнул.

— Разойдитесь.

Марк оказался рядом мгновенно. Присел, перехватил моё запястье.

— Покажи.

— Просто царапина... — Я попыталась спрятать руку.

— Смирнова.

Он развернул мою ладонь. Увидел кровь — и что-то изменилось в его лице.

— Вставай.

Поднял меня на ноги, придерживая за талию.

— Там гости...

— Артур разберётся.

Он вёл меня через служебный коридор, не убирая руки. В какой-то подсобке с инвентарём захлопнул дверь, отсекая шум.

Тишина.

Усадил меня на стул и несколько секунд просто смотрел. Взгляд скользнул по моему лицу, задержался — и я не знала, куда деть глаза.

Он порылся в шкафу, вернулся с антисептиком и пластырем. Ещё раз посмотрел на меня — внимательно, изучающе. Я отвела взгляд.

Марк поставил ногу на перекладину стула — так близко, что я чувствовала тепло его тела — и взял мою ладонь.

Меня пробрала дрожь. Он крепче сжал руку.

Антисептик обжёг рану. Я дёрнулась — он не отпустил. Держал, пока боль не отступила.

А потом легко подул на рану.

Я забыла, как дышать.

Он замер. Поднял голову. Я видела тёмные крапинки в его глазах, напряжённую скулу.

Молча начал накладывать повязку.

— Зачем ты туда полезла? — тихо спросил он, не поднимая взгляда.

— Я делала свою работу.

Он не ответил. Не отпустил мою руку, хотя повязка была

готова. Его большой палец медленно скользнул по внутренней стороне запястья — туда, где билась жилка.

Сердце стучало так громко, что он наверняка чувствовал. В кармане его пиджака зазвонил телефон.

Резкая трель разрушила момент. Марк моргнул. Отпустил мою руку и выпрямился.

— Сиди здесь, — бросил он, доставая телефон.

Отошёл к окну, спиной ко мне.

— Да, слушаю... Нет, перенесите встречу.

Босс говорил что-то ещё.

Я выдохнула.

Мой телефон тоже зажужжал. Достала его левой рукой — на экране висело непрочитанное сообщение.

От Павла Андреевича.

«Ваши долги закрыты. Надеюсь, вы помните все условия, Дарья Алексеевна. Мне нужен результат».

Я подняла глаза. Марк стоял у окна, что-то жёстко выговаривая собеседнику. Человек, который минуту назад дул на мою рану.

А я должна...

К горлу подкатила тошнота.

Глава 6

Марк закончил разговор так же резко, как и начал. Просто нажал отбой и сунул телефон во внутренний карман пиджака.

Я всё ещё сидела на стуле, сжимая в левой руке мобильник с сообщением от Павла Андреевича. Экран погас, скрывая текст, но слова юриста уже отпечатались на сетчатке. «Мне нужен результат».

Марк медленно повернулся ко мне.

Я ждала, что он что-то скажет. Может быть, спросит, как рука. Или хотя бы кивнёт, завершая тот странный эпизод с перевязкой. Ведь минуту назад он дул на мою ладонь, и его дыхание касалось моей кожи.

Но передо мной стоял совсем другой человек. Тот самый, который вчера требовал уволить меня за пятно на пиджаке.

Он скользнул взглядом по моему лицу, задержался на телефоне в моей руке и криво усмехнулся.

— Надеюсь, способность листать соцсети вы не утратили, Дарья Алексеевна?

— Это было сообщение по работе, — соврала я, пряча телефон.

— Прекрасно. Значит, вы в строю. — Он шагнул к двери, даже не придерживав её для меня. — Возвращайтесь в зал. Перерыв окончен.

Он вышел в коридор, чеканя шаг. Я осталась в пыльной подсобке одна, с аккуратной повязкой на руке и хаосом в голове. «Магия» момента рассыпалась, оставив после себя лишь запах антисептика и понимание: для него это была просто первая помощь. Технический момент.

Следующее утро в офисе началось с того, что кофемашина решила объявить забастовку, а принтер зажевал бумагу. Я сражалась с техникой одной левой — в прямом смысле слова. Правая рука ныла под бинтом, и каждое движение отдавалось тупой пульсацией в запястье.

Марк прошёл мимо моего стола в девять ноль-ноль.

— Доброе утро, Марк Александрович.

Он лишь коротко кивнул, не сбавляя хода, и скрылся в кабинете. Жалюзи на стеклянной перегородке остались открытыми, и я видела, как он сел за стол, мгновенно погружаясь в документы. Идеальная машина для зарабатывания денег. Никаких лишних движений.

Я вздохнула и попыталась открыть папку с договорами левой рукой. Папка выскользнула и шлёпнулась на пол.

— Оп-па! А вот и наша героиня!

Дверь приёмной распахнулась, впуская Артура и запах дорогого парфюма вперемишку с ароматом свежей выпечки.

— Оставь, я подниму, — он подлетел к столу быстрее, чем я успела наклониться. — Как рука? Сильно болит?

— Жить буду, — улыбнулась я.

На фоне ледяного молчания Марка забота Артура казалась чем-то нереальным.

Артур водрузил на мой стол стаканчик с кофе и бумажный пакет.

— Это круассан с миндалём. Лучшее средство от производственных травм. А Марку я ещё вчера сказал, что он тигран. Загонять девушку в первый же день...

Он говорил громко, не стесняясь. Я бросила опасливый взгляд на кабинет босса. Марк оторвался от монитора. Через стекло было видно, как он снял очки и положил их на стол. Медленно и аккуратно.

— Спасибо, Артур, правда. Но мне нужно работать.

— Брось. Какая работа с одной рукой? — Артур присел на край моего стола, болтая ногой. — Слушай, я сейчас еду к поставщикам продуктов. Там новые сорта сыров, просто космос. Поехали со мной? Поможешь выбрать, выпьешь нормального кофе, развеешься. Тебе полезно сменить обстановку.

Предложение звучало заманчиво. Вырваться из этого аквариума, где за каждым моим вздохом следят карие глаза-рентгены...

— Я бы с радостью, но...

Дверь кабинета открылась. Марк стоял на пороге, засунув руки в карманы брюк. Вид у него был скучающий, но в этой скуке читалась угроза.

— Артур, — произнёс он ровно. — У тебя совещание че-

рез двадцать минут.

— Да брось, Марк, перенесу. Я хочу украсть твою помощницу. Смотри, она же бледная. Ей нужен витамин Д и вкусные сыры.

Марк перевёл взгляд на меня. Я выпрямилась, чувствуя себя школьницей, которую делят два старшеклассника.

— Смирнова никуда не едет, — отрезал Марк.

— Почему? — удивился Артур. — У неё травма, она печатать толком не может. Пользы от неё сейчас...

— Именно поэтому, — перебил Марк, не сводя с меня глаз, — Дарья Алексеевна займётся архивом. У нас бардак в базе подрядчиков за восемнадцатый год. Нужно сверить физические договоры с электронным реестром.

Я едва не поперхнулась воздухом.

— Вручную? — уточнила я. — И зачем восемнадцатый год?

— Вручную, — подтвердил он с садистским удовольствием. — Читать, насколько я знаю, вы умеете обоими глазами. Руки для этого не нужны. А год... Ну мне так нужно.

— Марк, ты серьёзно? — присвистнул Артур. — Это же пытка. Там пыли больше, чем в гробнице фараона.

— Артур. Иди. Работай.

Тон был таким, что спорить расхотелось даже Артуру. Он сочувственно подмигнул мне, шепнул «Держись» и ретировался.

Мы остались одни. Марк подошёл к моему столу, взял

принесённый Артуром стаканчик с кофе, повертел в руках, словно изучая улику, и поставил обратно.

— Приступайте, Дарья. Папки на нижних полках стеллажа. К утру список должен быть у меня.

И ушёл к себе, плотно прикрыв дверь.

К восьми вечера офис опустел. Ушла Марина, попрощались менеджеры, даже уборщица, гремя ведром, скрылась в лифтовом холле.

Остались только мы.

За окнами зарядил дождь, превращая город в размытое акварельное пятно. В приёмной горела только настольная лампа, освещающая гору папок, которая, казалось, не уменьшалась.

Я сидела на полу, обложенная пыльными скоросшивателями. Глаза слезились, спина ныла.

Левой рукой я перелистывала страницу, правой пыталась делать пометки в ноутбуке. Получалось скверно. Бинт цеплялся за клавиши, буквы путались.

— Чёрт... — прошептала я, когда тяжёлая папка с надписью «Кейтеринг-2018» соскользнула с колен и раскрылась, рассыпав листы по полу.

Я потянулась собрать их, но здоровая рука была занята ноутбуком, а большая предательски задрожала.

Тень упала на бумаги.

Я подняла голову. Марк стоял надо мной. Без пиджака,

рукава рубашки закатаны до локтей, галстук ослаблен. Он выглядел уставшим, но уже не таким каменным, как утром.

— Оставь, — сказал он.

— Я сама.

— Я сказал — оставь.

Он присел на корточки рядом со мной. Молча собрал листы, выровнял стопку и вернул в папку. Потом забрал у меня ноутбук.

— Вставай.

— Я ещё не закончила.

— Садись за стол.

Я послушно перебралась в кресло. Марк поставил ноутбук перед собой, а стопку папок пододвинул ближе.

— Диктуй, — скомандовал он.

— Что?

— Диктуй данные, Смирнова. ИНН, название, номер договора. Я буду вбивать.

Я уставилась на него. Владелец бизнеса, человек, чей час стоит больше, чем моя годовая зарплата, собрался работать секретарём у собственной помощницы?

— Марк Александрович, это не ваша работа.

— Верно. Это твоя работа. Но с такой скоростью мы останемся здесь ночевать. А я хочу домой. Диктуй.

Мы работали в странном тандеме. Я открывала папку, находила нужные цифры, зачитывала их вслух. Марк вбивал данные в таблицу. Его пальцы летали по клавиатуре быстро,

чётко.

Сначала было неловко. Я сбивалась, путала цифры. Он терпеливо ждал, не комментируя. Потом мы вошли в ритм.

— ООО «Праздник», договор 45-Б... — читала я.

— Есть. Дальше.

— ИП Козлов, расторгнут в мае...

— Причина?

— Нарушение сроков поставки.

— Помню этого идиота, — вдруг хмыкнул Марк, не отрываясь от экрана. — Он привёз триста килограммов льда за пять часов до начала мероприятия. Естественно, к приходу гостей у нас была тёплая вода.

Я невольно улыбнулась.

— И что вы сделали?

— Отправил его искать лёд в супермаркеты района. Лично.

— Жестоко.

— Справедливо.

Напряжение, висевшее между нами весь день, начало истончаться. Оно не исчезло совсем, но всё больше менялось. Стало не враждебным, а каким-то густым, тёплым.

Через час живот предательски заурчал. В тишине офиса это прозвучало как раскат грома.

Я залилась краской.

Марк замер, посмотрел на меня поверх монитора.

— Ты обедала?

— Не успела. Артур хотел позвать, но... — я осеклась.

Марк нахмурился, вспомнив недавнюю сцену, но промолчал. Достал телефон.

— Пеперони или Четыре сыра?

— Что?

— Пиццу будешь, спрашиваю? Или ты на диете?

— Пеперони. И я не на диете.

— И правильно, — выдохнул он.

Через сорок минут мы сидели друг напротив друга за моим столом. Между нами дымилась коробка с пиццей. Марк Воронцов, гроза ивент-индустрии, ел кусок пиццы руками, и капля томатного соуса грозила упасть на его белоснежную манжету.

Это было странно. И невероятно уютно.

Мы почти не говорили, но молчание было комфортным. Я наблюдала за ним исподтишка. В неяром свете лампы он казался моложе. Морщинка между бровей разгладилась.

Я потянулась за салфеткой, но неловко дёрнула больной рукой. Прядка волос, выбившаяся из причёски, упала мне на лицо, закрывая обзор. Я раздражённо дунула, пытаюсь убрать её, но она упрямо лезла в глаз. Попыталась заправить её левой рукой, но испачканные в масле пальцы только всё испортили бы.

Марк проследил за моими мучениями.

Он отложил пиццу, вытер руки салфеткой. Медленно и тщательно.

А потом протянул руку ко мне.

Я замерла, забыв, как дышать.

Его пальцы — тёплые, сухие — коснулись моего виска. Он осторожно подцепил непослушную прядь и заправил её мне за ухо.

Его рука задержалась.

Подушечки пальцев скользнули по скуле, очертили линию челюсти.

Он смотрел мне в глаза. Тёмные, глубокие, сейчас они были совсем близко. Там плескалось что-то тёмное, горячее и пугающее.

Сердце ускорило ритм.

Взгляд Марка опустился к моим губам и вернулся к глазам.

Он чуть подался вперёд.

Мир сузился до пятна света от настольной лампы и его лица.

Я ждала, боясь пошевелиться.

Резкое жужжание телефона — и мы оба вздрогнули.

Марк отдёргнул руку.

Телефон лежал на столе между нами. Экраном вверх. Он вибрировал, светясь в полумраке, и на дисплее чёткими буквами горело одно слово:

ЛЮБИМЫЙ.

Глава 7

Тёмка. Мой сын всегда звонил, если я задерживалась.

Но Марк этого не знал.

Я заметила, как его взгляд скользнул по экрану. Одно слово — и лицо изменилось мгновенно. Открытость, тепло, странный интерес — всё погасло. Челюсти сжались, скулы заострились. В глазах снова появился лёд — только теперь колючий.

— Марк Александрович, я... — я схватила телефон, прижала к груди, пытаюсь заглушить звонок.

Он медленно поднялся. Поправил рубашку. И снова стал боссом — недостижимым, чужим.

— Не стоит. — Голос сухой. — Больше не задерживаю. Вас ждут.

— Нет, это не то, что вы...

Я растерялась. Сказать ему про сына? Но можно ли — без разрешения Павла Андреевича?

— Идите домой.

Он не дал договорить. Развернулся и ушёл к себе. Дверь захлопнулась. Через секунду опустились жалюзи.

Остаток дня в офисе было холодно. И следующим утром — тоже. Дело не в кондиционере, который Марина по привычке выкрутила на восемнадцать градусов, и не в пасмур-

ном небе за панорамными окнами.

Холод шёл из-за закрытых жалюзи кабинета генерального директора.

Я пришла за пятнадцать минут до начала рабочего дня — надеялась поговорить, пока не закрутилось колесо встреч и звонков. Глупо. Жалюзи, обычно открытые в это время, стояли плотной стеной.

Марк уже пришёл. Я слышала, как он ходит по кабинету, слышала приглушённый голос — видимо, он диктовал что-то по громкой связи. Но для меня он исчез.

Я села за свой стол, включила компьютер. Правая рука под бинтом ныла — ночью я неудачно повернулась во сне, и порез снова дал о себе знать.

В девять ноль три на мониторе всплыло сообщение в корпоративном мессенджере.

М.А.: Кофе. И сводку по кейтерингу за прошлый месяц. Оставь на столе.

Ни «доброго утра». Ни имени. Сухой текст, лишённый даже минимальной вежливости. Вчера этот человек убирал волосы с моего лица и смотрел так, будто я — единственное, что имеет значение. Сегодня я превратилась в офисную мебель. Кофемашину с ногами.

Я сжала здоровую руку в кулак, глядя на мигающий курсор.

Хотелось пойти и рассказать, что «Любимый» — это маленький мальчик, который боится спать без света и любит

роботов. Что вчера он звонил, потому что потерял плюшевого медведя.

Но я сидела неподвижно.

Что я ему скажу? «Марк Александрович, вы всё не так поняли»? А кто мы друг другу, чтобы я отчитывалась? Может, ему и вовсе не интересно. Мы — начальник и подчинённая. Всё. Ну и ещё странный контракт с юристом, в котором чёрным по белому: никакой лишней информации о личной жизни. Павел Андреевич дал понять ясно: чем меньше Марк знает о моих проблемах, тем лучше для дела. А ребёнок, да ещё звонящий когда угодно, в образ идеальной, свободной и загадочной помощницы не вписывался никак.

Я вздохнула, поднялась и пошла к кофемашине.

Чашка звякнула о блюде слишком громко. Я налила эспрессо, стараясь не расплескать. Взяла папку со сводкой.

Вдох. Выдох. Это просто работа.

Я постучала и, не дожидаясь ответа, толкнула дверь.

Марк сидел за столом, погруженный в изучение каких-то схем. Он был безупречен: свежая рубашка, идеально завязанный галстук. Ни следа вчерашней усталости, ни намёка на того парня, который ел пищу руками.

— Ваш кофе, Марк Александрович.

Я поставила чашку на край стола. Туда же легла папка.

Он даже не поднял головы. Продолжал водить стилусом по планшету, внося правки в чертёж.

— Спасибо. Можешь идти.

Голос ровный, безжизненный. Так говорят с голосовым помощником.

— Марк Александрович, насчёт вчерашнего...

Стилус замер.

Марк медленно поднял голову. В его — недоумение.

— А что было вчера? — спросил он. Стало физически неудобно. — Мы работали. Потом вы ушли... по своим делам. Я что-то упустил?

Он прекрасно знал, что именно, но делал вид, что ничего не произошло.

Ладно.

— Нет, — выдавила я, чувствуя, как щёки начинают гореть. — Ничего.

— Вот и отлично. — Он снова уткнулся в планшет. — Марина передаст тебе список встреч на сегодня. Я буду занят до обеда. Дверь закрой с той стороны.

Я развернулась и вышла, чувствуя себя оплётанной.

В приёмной меня перехватила Марина. Она выглядела растерянной, держа в руках стопку документов.

— Даш, я не поняла, — прошептала она, косясь на закрытую дверь шефа. — Он мне только что скинул файлы для перевода. Сказал отдать тебе. Что происходит? Почему он сам не отдал?

Я забрала у неё бумаги. Листы чуть дрожали в моей руке.

— У Марка Александровича много работы, — сухо ответила я. — Экономит время. Наверное.

— Ну-ну, — Марина покачала головой.

До обеда — молчание. Марк общался со мной через Марину или рублеными фразами в чате. «Распечатай». «Отправь». «Забронируй».

Я выполняла команды, чувствуя себя роботом. Но за механикой копилась обида. Он осудил меня, не выслушав. Нарисовал в голове картинку — и теперь наказывал за собственные фантазии.

А самое обидное — мне было не всё равно.

Будь он просто боссом, я бы пожала плечами. Подумаешь, у него настроение. Но я помнила тепло его пальцев на скуле. Помнила, как он дул на мою рану.

Я посмотрела на телефон. На заставке улыбался Тёмка. Мой «Любимый». Единственный мужчина, который никогда не предаст.

— Ну и пусть, — прошептала я, открывая очередной разговор. — Пусть думает что хочет. Полгода, Даша. Всего полгода.

А потом дверь открылась.

— Дарья Алексеевна? — голос Павла Андреевича звучал бодро. — Хорошо, что вы не на обеде.

Дверь кабинета открылась, и в дверях кабинета замер Марк.

— Вовремя. — Павел Андреевич кивнул нам обоим, проходя в центр приёмной, как к себе домой. — Марк, задержись, пожалуйста. Есть разговор на миллион.

Марк скрестил руки на груди.

— Если по поводу слияния — документы у тебя.

— К чёрту документы. — Юрист небрежно бросил кожаную папку на мой стол, прямо поверх моих локтей. Я отпрянула. — У меня клиент. Глеб Романов. Слышал?

Марк чуть прищурился.

— Владелец сети отелей, меценат, человек с огромными деньгами и ещё большими связями.

— Именно. Ему нужна презентация с фуршетом. Сегодня. Предыдущий подрядчик облажался. Место вакантно. Бюджет неограничен.

Лицо Марка изменилось — профессиональный интерес мгновенно вытеснил всё остальное.

— Сегодня? Это безумие.

— Это шанс. Романов ищет постоянного партнёра для своих ивентов. Вытащишь этот вечер — контракт твой.

— Где?

— «Sky Lounge». Начало в восемь. У тебя несколько часов.

Марк уже доставал телефон, но Павел поднял руку.

— Есть условие.

Пальцы замерли над экраном.

— Романов — консерватор. Старая закалка. Ему важна репутация, стабильность. Семейные ценности, если хочешь.

— У меня отличная репутация.

— У тебя репутация волка-одиночки. Романов хочет ви-

деть, что ты умеешь выстраивать отношения. — Павел помолчал. — Ты должен прийти не один.

— Позову Ингу. Она знает эти круги.

— Инга слишком яркая. И хищная. Романову нужно другое. Скромность. Интеллект. Надёжность.

Павел медленно повернулся ко мне.

Я сидела, вжавшись в кресло, чувствуя, как сжимается желудок. Я знала этот взгляд. Так смотрят на лошадь, прежде чем поставить на неё всё.

— Дарья пойдёт с тобой.

Глава 8

В кабинете стало тихо. Только гудение кулера в углу.

Марк медленно перевёл взгляд на меня. Его брови поползли вверх, а губы искривились в злой усмешке.

— Она? — Он даже не пытался скрыть раздражения. — Ты шутишь. Она моя помощница, а не эскорт для прикрытия сделок.

— Она сотрудница твоего агентства, — жёстко парировал Павел Андреевич.

— У Дарьи Алексеевны, — Марк выделил моё имя ледяным тоном, — есть свои планы на вечер. И, судя по количеству звонков на её телефоне, весьма насыщенные. Не так ли?

Он смотрел мне прямо в глаза, и я видела в его взгляде вызов. Он ждал, что я подтверждаю его слова и сбегу домой.

Я открыла рот, по правде говоря, не зная, что сказать.

Но Павел Андреевич опередил меня. Он положил ладонь на край моего стола и чуть наклонился вперёд.

— Дарья Алексеевна понимает важность этого контракта для фирмы. И для себя лично. Премия за такую сделку покроет многие... текущие расходы. Верно, Даша?

Я посмотрела на юриста. В его глазах — холодный расчёт. Он напоминал мне о долге.

Выпрямила спину и повернулась к Марку.

— У меня нет планов на вечер, Марк Александрович. Я

свободна.

Лицо босса окаменело. Он явно рассчитывал на другой ответ. Моё согласие стало для него лишь подтверждением: я готова на всё ради денег или прихоти начальства. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на разочарование, но он тут же спрятал это за маской безразличия.

— Прекрасно, — процедил он. — Раз уж вы так рвётесь работать сверхурочно.

— Но Дарья должна соответствовать уровню мероприятия, — удовлетворённо заметил Павел Андреевич.

Марк смерил меня взглядом с ног до головы. Задержался на офисном пиджаке, на бинте, выглядывающем из-под рукава.

— Может, и так.

— Об этом я позабочусь. — Юрист посмотрел на часы. — Машина внизу. Стилисты уже ждут. А вы тут пока готовьтесь.

— То есть у меня ещё и помощницу забирают? В такой момент? — тихо спросил Марк. В его голосе клокотала ярость, загнанная глубоко внутрь.

А я всё ломала голову: почему Марк Александрович ведёт себя так, будто имеет здесь вес? И почему босс это терпит. Человек вроде него — и терпит.

Павел Андреевич хлопнул ладонью по столу, ставя точку.

— Даша, вперёд. Собирайся, я жду в машине. Марк, я привезу её вовремя. И прошу тебя... — юрист задержался в

дверях, — сделай лицо попроще. Ты идёшь на праздник, а не на расстрел.

Павел Андреевич вышел.

Мы остались вдвоём.

Марк подошёл к моему столу — вплотную. Я почувствовала его парфюм: дорогой, холодный, с нотой горького табака.

Но он ничего не сказал.

Развернулся и ушёл к себе в кабинет.

Я медленно выдохнула. Взяла сумку дрожащими пальцами.

— Это просто работа, — прошептала я пустоте. — Всё когда-то заканчивается. И это закончится.

Я вышла к лифтам и спустилась вниз — к своему «преображению».

Павел Андреевич привёз меня в салон сам. Стилисты работали быстро и молча: укладка, макияж, маникюр. Со мной обращались как с манекеном: поворачивали, поправляли, отходили на шаг, щурились. На прощание юрист вручил мне чехол с платьем и коробку с туфлями.

— Оденешься дома. Я заеду за тобой.

Через два часа я стояла перед зеркалом и не узнавала себя. Чувствовала себя самозванкой.

Платье — тёмно-изумрудное, из плотного шёлка, который струился по телу как вторая кожа. Глубокий вырез на спине,

открытые плечи. Никакой пошлости — только дорогая элегантность. Бинт спрятали под высокой бархатной перчаткой в тон. Теперь это выглядело как часть образа. Аристократичная деталь.

— Мам, ты как фея! — Тёмка прыгал вокруг меня, пытаюсь потрогать подол липкими от яблока пальцами.

Я перехватила его руку.

— Осторожно, зайчик. Это платье стоит больше, чем всё в этой квартире.

В дверь позвонили. Ленка — соседка снизу — ворвалась в прихожую в своём вечном халате. Я позвонила ей с дороги, умоляя посидеть с Тёмкой. Мы с Ленкой давно так выручали друг друга: она — с Тёмой, я — с её Полинкой. Просто по-соседски.

— Ого... — Она застыла, оглядывая меня с ног до головы. — Даш, ты банк ограбила? Или замуж выходишь?

— На работу иду. — Я накинула пальто, стараясь не помять ткань. — Тём, слушайся тётю Лену. Я приду поздно, ты уже будешь спать.

Я поцеловала сына в макушку, вдохнула родной запах его волос — единственный якорь, который удерживал меня в реальности, — и шагнула за порог.

Внизу уже ждала машина Павла Андреевича — чёрная, с тонированными стёклами. Водитель открыл передо мной дверь.

Я скользнула на кожаное сиденье, и меня пробила мелкая

дрожь. С каждой минутой волнение нарастало.

Глава 9

«Sky Lounge» сиял огнями на крыше небоскрёба. У входа — вереница дорогих машин, швейцары в ливреях, вечерние платья и смокинги. Я вышла из машины чуть в стороне.

Марк ждал под козырьком.

Смокинг сидел на нём так, словно он в нём родился. Белоснежная рубашка, небрежно повязанная бабочка. Он хмурился, жёстко выговаривая что-то в телефон.

Я шагнула к нему. Стук каблуков заставил его обернуться. Он уже открыл рот — для очередной резкости, — но слова так и не прозвучали.

Замер.

Телефон медленно опустился от уха.

Взгляд — обычно быстрый — замедлился. Скользнул по ногам, задержался на талии, поднялся к открытой шее и встретился с моим. В глубине глаз вспыхнуло что-то тёмное. Он коротко вдохнул.

— Я готова, Марк Александрович.

Он моргнул, возвращая на лицо привычную маску.

Телефон исчез в кармане.

Лифт поднялся на верхний этаж. Двери разъехались — и на нас обрушился гул голосов, звон бокалов, приглушённый джаз.

Зал напоминал витрину ювелирного магазина: слишком много света, блеска и людей, которые стоили дорого. Я крепче сжала клатч. Перчатка скрывала бинт, но мне казалось — его видят все.

Марк здесь чувствовал себя хозяином. Осанка стала жёстче, взгляд — холоднее.

— Улыбайтесь, Дарья, — шепнул он, почти не разжимая губ.

Его ладонь легла мне на талию. Сквозь шёлк я чувствовала тепло его пальцев.

Мы двигались сквозь толпу, пока путь нам не преградила женщина в платье цвета расплавленного золота.

— Марк! — Она шагнула навстречу, в упор меня не замечая. — Знала, что Романов вытащит тебя из берлоги.

— Здравствуй, Инга.

— Надеюсь, ты получишь контракт. Кстати...

Она, наконец, посмотрела на меня. Оценила платье, лицо, задержалась на руке Марка.

— Сменил ассистентку? Предыдущая была расторопнее. — Она протянула мне пустой бокал. — Милочка, отнеси на бар. И минеральной воды со льдом, будь добра.

Кровь отхлынула от лица. Приняла за прислугу. Или — что вернее — хотела, чтобы я себя так почувствовала.

Я вдохнула, но пальцы Марка на моей талии сжались почти до боли. Он притянул меня ближе — бедро к бедру.

— Боюсь, Инга, к бару придётся сходить самой. Дарья

Алексеевна — мой партнёр на этом проекте. И моя спутница.

Улыбка Инги на секунду дрогнула.

— Партнёр? Не знала, что ты смешиваешь работу с личным.

— Я много чего делаю, о чём ты не знаешь. — Он слегка кивнул ей и развернул меня. — Идём, Даша.

Мы не успели отойти и на десять шагов.

— О, какие люди!

Артур появился как вспышка тепла посреди всего этого блеска и холода.

— Даша? Я ослеп. Ты невероятна.

Я невольно улыбнулась. С ним было легко.

— Марк, украду твою спутницу? Ты всё равно пойдёшь мучить инвесторов графиками.

Марк уже открыл рот, но тут к нему подошёл Романов, и Артур, не дожидаясь ответа, подхватил меня под руку и увёл.

Артур вёл легко, держался на почтительном расстоянии, но умудрялся смешить меня каждую минуту.

— Видела лицо Инги? Фурия. — Он покачал головой с притворным сочувствием. — А платье у тебя просто шик. Да и сама ты... нет слов.

Музыка сменилась на медленную.

И тогда я почувствовала взгляд.

Обернулась.

Марк стоял у колонны. Челюсть сжата, пальцы на бокале

побелели от напряжения. Он резко поставил его на поднос проходящего официанта и двинулся к нам.

Артур усмехнулся, но рук не убрал.

— Прошу прощения. — Голос Марка звучал низко и опасно. — Артур, тебя ищет Романов.

Ложь. Романов спокойно ел канапе в другом конце зала.

— Ну, раз ищет... — начал Артур, — Марк, не оттопчи ей ноги.

И исчез в толпе.

Марк занял его место. Осторожно взял мою правую руку, положил себе на плечо. Левая ладонь легла на талию — и одним движением он притянул меня к себе.

Вплотную.

— Вы слишком веселились.

— Запрещено?

— Отвлекает. Ты здесь со мной. Всё должно быть достойно.

Мы начали двигаться.

Марк вёл жёстко, подчиняя своему ритму. Его ладонь обжигала спину сквозь ткань. Каждый поворот — слишком близко.

— Ты дрожишь, — выдохнул он, прожигая взглядом.

— Здесь прохладно.

— Здесь жарко.

— А может, и жарко. Или... нет, прохладно. Не знаю.

Его губы дрогнули.

— Ты только что мёрзла. Или нет?

Я прикусила губу. Он наклонился ближе, и голос упал почти до шёпота:

— Не своди меня с ума.

Музыка словно отступила. Его рука скользнула вверх по позвоночнику, пальцы зарылись в волосы у основания шеи. Мир сузился до его взгляда.

Он наклонился — медленно, давая шанс отступить.

Я не отступила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.